

Странный случай

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1. Стр. 428 - 435.

-- Вы позволите мне сесть вот здесь на ковре, у ваших ног?

-- Если это вам доставляет удовольствие... Но с условием: не глядеть на меня так пристально и такими сладкими глазами... Ну рассказывайте что-нибудь интересное.

-- Вы меня сразу ставите в безвыходное положение. Когда мне говорят: "Рассказывайте что-нибудь интересное", я совсем теряюсь...

-- Бедняжка!

-- Кроме того, ведь вы знаете, что, когда я около вас, я могу говорить и думать только об одном...

-- Что я прекрасна и что вы меня боготворите?

-- Что я вас боготворю и что...

-- И что готовы отдать за меня жизнь? Ах, боже мой, как вы скучны! Я слышала это от вас, по крайней мере, тысячу раз...

-- Других вы слушали благосклоннее...

-- Не старайтесь казаться злым, мой маленький Мопассан. Я к вам гораздо снисходительнее, чем вы заслуживаете... Ай, ай, ай, как вы широко раскрыли глаза! Конечно, я к вам очень добра. Я позволяю вам безнаказанно говорить о вашей любви, не отказываю, когда вы просите поцеловать мою руку, не засыпаю, когда вы читаете вслух ваши новеллы... Неужели этого мало?

-- Конечно, мало. Вы подали нищему корку хлеба и ставите это себе в заслугу. Вы ведь знаете, Нина Аркадьевна, вы не можете не видеть, как я вас люблю. Ни одна женщина никогда не ошибется в качестве того чувства, которое она внушает мужчине.

-- Это я тоже слышала от вас.

-- И вы верите мне?

-- О, конечно! Я даже не даю себе труда сомневаться в этом.

-- А я ненавижу вашу холодную иронию. Отчего же, если вы видите, как я мучусь, и если в вашем сердце нет даже искры чувства ко мне, отчего вы не прогоните меня из простой жалости?

-- Но я вас и не удерживаю. Вы совершенно свободны. Я знаю только, что вы предпочтете мучиться подле меня, чем вдали, и я вам это милостиво разрешаю.

-- Merci. Вы великодушны.

-- Как королева?

-- Нет, как тигрица.

-- Ого! Мы становимся, кажется, немного дерзки?

-- Ах, как бы я желал уметь быть дерзким! Тогда, наверно, вы не иронизировали бы так спокойно.

-- О да, без сомнения, тогда бы наши роли мгновенно переменились. Я бы бросилась вам на грудь, умоляла бы вас о любви, может быть, даже заплакала бы. Но вы, наверно, отвернулись бы от меня с самым убийственным хладнокровием.

-- Нет, не смейтесь над моими словами, Нина Аркадьевна! То, что я сказал про дерзость, -- не шутка, не легонькая шпилька среди салонной болтовни, а глубокая и страшная истина, содержащая в себе всю психологию женского сердца. Не улыбайтесь заранее, я сейчас разьясню свою мысль. Впрочем, и мысль-то это не моя. У Шекспира в "Ричарде Третьем" она высказана с такой гениальной смелостью, что ужас охватывает, когда читаешь... Помните, там в первом действии за погребальной колесницей Генриха Четвертого идет его невестка леди Анна. Генрих Четвертый и муж леди Анны -- Эдвард -- убиты рукою Глостера (впоследствии Ричарда Третьего) -- горбатого и хромого уроды, но в то же время безгранично дерзкого человека.

Будь проклята рука убийцы злого,

-- говорит леди Анна,--

И кровь того, кто эту кровь пролил.

Будь проклято и сердце, где сложилось Решение на пагубное дело.

В этот момент показывается сам Глостер. Только у Шекспира и можно встретить такую